

Забытый победитель Деникина и Петлюры Белый офицер и красный командарм Матвей Василенко

Андрей ГАНИН

Гражданская война богата на сложные и удивительные судьбы. Нередко человек оказывался захваченным водоворотом событий помимо своей воли и принимал порой удивительные решения. Одной из ярких, но до сих пор вычеркнутых из истории той эпохи, была судьба забытого советского полководца украинского происхождения, офицера русской и Белой армий, командарма РККА Матвея Ивановича Василенко.

Матвей Василенко родился 13 ноября 1888 г. в селе Подставки Борковской волости Гадячского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье. Василенко считал себя украинцем, владел украинским языком и считал его родным¹. Его отец, Иван Андреевич, первоначально занимался крестьянским трудом. Мать умерла в 1896 г., оставив пятерых детей, старшему из которых было 12 лет². Тогда отец устроился дворником в Киеве, а позднее — сторожем при больнице в Гадяче. В автобиографии Василенко отметил, что «недостаток работников в семье повел к упадку хозяйства и к 1900 году отец, продав остаток земли и избу, переселился в город Гадяч, где служил преимущественно рабочим по экономии, а также сторожем, дворником, истопником»³.

Будущий командарм продемонстрировал исключительное стремление к знаниям: в 1900 г. окончил сельскую школу, два года проучился вольнослушателем на юридическом факультете Казанского университета, самостоятельно и с помощью проявившего к его судьбе участие старика-репетитора подготовился к экзамену на вольноопределяющегося 2-го разряда, после чего в 1906 г. поступил в Тифлисское военное училище, которое окончил в 1909 г. Подобный путь для крестьянского сына стал возможен в результате Великих реформ, открывших непривлекательным слоям населения дорогу к образованию и даже возможность получить офицерские погоны. В конечном итоге это вело к демократизации прежде консервативного офицерского корпуса.

В подпоручики он был произведен со старшинством с 15 июня 1908 г. Служба Василенко проходила в рядах 162-го пехотного Ахалцхского полка, где с осени 1909 г. он служил младшим офицером, затем младшим офицером полковой учебной команды (с декабря 1909 по февраль 1912 г.). Возможно, задатки военного педагога были присущи офицеру, тем более что впоследствии, уже в 1920-е – 1930-е гг. Василенко написал целый ряд понятных даже новичкам пособий по подготовке бойцов и младших командиров.

В 1912 г. Василенко кратковременно руководил командой конных ординарцев, был произведен в поручики и поступал в Императорскую Николаевскую военную академию. Офицер выдержал предварительные экзамены при штабе округа, но из Петербурга вернулся в свой полк по болезни⁴, а, возможно, не пройдя по конкурсным баллам. В полку командовал ротой.

Впрочем, в советской автобиографии и в аттестационных документах отмечалось, что Василенко был отправлен обратно в полк за подачу императору петиции о помиловании брата, приговоренного к повешению (по другой версии, в итоге брат офицера был расстрелян)⁵. Об этом же свидетельствовала и вдова Василенко в частном письме в 1957 г., хотя ее изложение биографии мужа не отличается точностью: «В 1913 году была арестована подпольная организация на Донбассе, в числе которой был Орджоникидзе⁶, Литвинов⁷ и брат Василенко Моисей Иванович. Брат его был расстрелян в царское время. Василенко Матвей Иванович, будучи офицером, принес им в тюрьму книги, где были вложены пилочки, и они бежали, а брат Василенко Моисей Иванович был туберкулезный, не осилил, и его поймали и расстреляли. Это имеется в книге со снимком «Казни царской России», автор Ушеревич⁸. С 1912 года Василенко Матвей Иванович работал подпольно под кличкой Марк»⁹. В книге С.С. Ушеревича действительно отмечено, что Моисей Иванович Василенко был казнен в Киеве в 1912 г. за принадлежность к боевой организации в 1906 г.¹⁰ К сожалению, подробности этих событий восстановить не удалось. Так или иначе, из различных документов выясняется связь Василенко с революционерами.

Василенко был прикомандирован к топографическому отделу штаба Казанского военного округа, а в июле 1914 г. переведен в 95-й запасной батальон, развернутый в полк. Вплоть до августа 1915 г. Василенко командовал ротой этого полка. Затем до ноября 1915 г. был начальником хозяйственной части полка, а до июля 1916 г. руководил учебной командой. В служебных документах отмечалось, что непосредственно в боевых действиях офицер участвовал только с сентября 1916 г.¹¹ И так, ко времени Февральской революции боевого опыта большой войны у молодого офицера еще, по сути, не было.

В связи с острой нехваткой кадров Генштаба в русской армии к штабной службе стали привлекать офицеров, имевших хотя бы отдаленное отношение к Императорской Николаевской военной академии. По всей видимости, вспомнили и о том, что Василенко поступал в академию до войны и, следова-

тельно, проходил основательную подготовку к экзаменам. В этой связи молодой офицер в период с июля по сентябрь 1916 г. временно исполнял должность старшего адъютанта по оперативной части штаба бригады. В октябре 1916 г. командовал ротой 14-го особого пехотного полка.

Наконец, как служившего на должностях по Генштабу и поступавшего в мирное время в академию, его направили на ускоренные курсы 1-й очереди академии, открывшиеся в конце 1916 г. в Петрограде. Еще до Февральской революции Василенко окончил подготовительный класс ускоренных курсов. При выпуске был 53-м из 237 слушателей, получив средний балл 10,66¹². Окончание старшего класса было отложено на длительный срок. Тем не менее Василенко уже замещал должности по Генштабу. В феврале 1917 г. он занял пост старшего адъютанта штаба 3-й особой пехотной дивизии (в состав этой дивизии входил полк Василенко), позднее был врид начальника штаба этой дивизии.

Февральскую революцию офицер, очевидно, воспринял с воодушевлением и даже сделал некоторую революционную карьеру. В марте 1917 г. солдатами он был делегирован на армейский съезд, где избран членом исполнительного комитета 5-й армии Северного фронта. Председателем комитета вестной стал будущий заместитель Л.Д. Троцкого Э.М. Склянский, знакомство с которым, очевидно, сыграло свою роль в последующей судьбе Василенко. В комитете состоял и А.И. Седакин — другой будущий видный советский военный работник, также влиявший на служебный путь Василенко в РККА.

В июне Василенко принял участие в I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем в Петрограде. В августе был назначен членом Особого совещания при командующем 5-й армией. С марта 1917 (по автобиографии — с лета 1917 г.¹³) по конец 1918 г. Василенко был членом партии левых эсеров — союзников большевиков в конце 1917 – первой половине 1918 г.¹⁴

В старой армии Василенко дослужился до чина штабс-капитана. В советской «Краткой записке о службе» Василенко отметил, что в период большевистского переворота он препятствовал отправке войск на Петроград для подавления¹⁵. Тогда в 5-й армии сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, армейский комитет уже утром 25 октября первым предложил свою помощь петроградскому Военно-революционному комитету, с другой стороны, эсеры из состава армейского комитета препятствовали этому, а командование с генералом В.Г. Болды-

ревым стремилось поддержать Временное правительство¹⁶.

С декабря 1917 г. Василенко занимал пост начальника демобилизационного отдела штаба 5-й армии. В январе 1918 г. вновь избран членом исполнительного комитета 5-й армии и как левый эсер назначен комиссаром 5-й армии по формированию Красной гвардии. В феврале 1918 г. занял пост начальника штаба демобилизовавшейся армии. В тот период родные места Василенко оказались оккупированы немцами. Сам офицер, насколько можно судить, был настроен на продолжение войны. Как известно, левые эсеры были противниками заключения Брестского мира. В советских аттестационных документах отмечалось, что Василенко «был не согласен с политикой партии [большевиков] по Брестскому миру, считая, что немцы могут реставрировать у нас старый порядок»¹⁷. В автобиографии Василенко отметил, что «при наступлении немцев после срыва Брестских переговоров организовал фронт и руководство боями в должности наштабс-арма¹⁸ 5 в Великих Луках»¹⁹. В марте Василенко завершил службу в старой армии.

Красные сохранили у себя прежнюю военную академию. 17 мая 1918 г. Василенко прибыл в Екатеринбург, куда академия была эвакуирована из Петрограда, для продолжения обучения в старшем классе 3-й очереди ускоренных курсов²⁰. В этот период Василенко формально числился в составе академии в рядах Красной армии. В период обучения летом 1918 г. Василенко был среди слушателей, привлечавшихся для оперативной работы в советских штабах²¹, — с 13 по 27 июня 1918 г. он был командирован в распоряжение штаба Северо-Урало-Сибирского фронта²².

Летом 1918 г. академия перешла на сторону антибольшевистских сил²³. Василенко был среди группы слушателей, перешедших на сторону противника в Казани 7 августа 1918 г. Во всех советских анкетах он писал, что был взят в плен вместе с академией.

В 1918–1919 гг. Василенко служил в антибольшевистских формированиях на Востоке России. В Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания офицер получил назначение на Самарский фронт и был в середине августа направлен в Самару²⁴. Затем последовало назначение ид начальника штаба 5-й стрелковой дивизии в Симбирске²⁵. Однако документальные свидетельства боевой работы Василенко относятся к его службе в частях Народной армии Хвалынского района, которой командовал другой недавний перебежчик из РККА полковник Ф.Е. Махин. По данным на 30 августа 1918 г., Василенко был назначен начальником Левобережного отряда, однако в должность не вступил, оставшись на правом берегу Волги. В конце августа – сентябре 1918 г. Василенко командовал Липовским отрядом из жителей Николаевского уезда. За отличие в бою 12–13 сентября под деревней Шиханы офицер был представлен к производству в капитаны²⁶.

И если правоэсеровский Комуч мог казаться левому эсеру Василенко сравнительно близким, то колчаковский режим, которому эсеры объявили войну, вряд ли воспринимался им с симпатией. В автобиографии свое пребывание у белых Василенко описал следующим образом: «Как бывший на[чальник]

шта[ба] див[изии] был предназначен наштабс-дивом²⁷. Уклонился от явки и уехал в Самару, где связался с группой эсеров, членов Учредительного собрания. Было решено создать эсер[овские] части, и я примерно в сентябре был назначен командиром эсеровского отряда, а позже — командиром полка»²⁸. Разумеется, ни о каком уклонении при отъезде в Самару речи не было — это опровергается документами того периода. Василенко, очевидно, пытался подчеркнуть в советской автобиографии свою нелояльность белым.

У белых Василенко выслужил капитанский чин. С ним он указан в колчаковском списке Генштаба на февраль 1919 г. как командир 7-го Хвалынского стрелкового полка²⁹. Хвалынский полк входил в состав знаменитой 2-й Сызранской стрелковой дивизии, которой командовал черногорец на русской службе полковник А.С. Бакич. Осенью 1918 г. дивизия отходила из Поволжья в направлении на Оренбург. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволили установить период, в который Василенко мог командовать полком. Известно, что первым командиром полка летом 1918 г. был полковник Я.М. Розенбаум³⁰. По данным на ноябрь 1918 г. и апрель 1919 г. полком командовал полковник В.Г. Мякишев³¹. По данным на 1 октября 1918 г., Василенко в чине штабс-капитана командовал 8-м Вольским стрелковым полком, с которым как с наиболее надежной частью прикрывал отход частей Народной армии на Бузулук и Оренбург³².

Далее в автобиографии Василенко читаем: «В ноябре месяце создавалась революционно настроенная группа, которая на совещании в Оренбурге приняла решение организовать захват власти и в дальнейшем совместно с большевиками продолжать борьбу с сибирской контрреволюцией.

На совещании в октябре был разработан план действий, по которому на меня и мой полк возлагалась задача разоружения казацких полков.

За два дня до срока, назначенного для выступления, я был арестован и на допросе понял, что наши заговор раскрыт и что казакам известно мое прошлое.

Для суда меня отправили в Оренбург, но я, обманув бдительность сопровождавшего меня караула, бежал. Позже в газетах читал о своем расстреле»³³.

Это путаное свидетельство дает основания предполагать, что Василенко был связан с неудачной попыткой свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге, организованной офицерами эсеровской ориентации (в том числе недавним начальником Василенко Ф.Е. Махиным) и мусульманскими лидерами в конце 1918 г.³⁴ К большевикам заговорщики отношения не имели.

Продолжая свое автобиографическое повествование, Василенко отметил, что после побега «жил поденщиной, выдавая себя за военнопленного австрийца-галичанина. Пробравшись в Оренбург, попытался связаться с подпольной большевистской организацией (помню фамилию или кличку “Холмогор”). В организацию не приняли, но снабдили бланком паспорта и определили кучером на пригородном хуторе. Под фамилией Дорофеев пробрался в Башкирию, где, по слухам, готовилось восстание против казаков. Под фамилией “Волченко” принимал участие в об-

работке башкирских полков в целях перехода их на сторону Советской власти»³⁵. В другом документе Василенко отметил, что действовал под фамилией Волчина, присвоив себе чин подполковника³⁶. Следует отметить, что в феврале 1919 г. часть башкирских войск действительно перешла от белых к красным, чем обнажила фронт оренбургских казаков³⁷. Впрочем, заслуга Василенко в этом, по всей видимости, преувеличена.

Далее Василенко свидетельствовал:

«С эсерами я порвал в конце 1918 г., испугавшись на собственном горьком опыте их бездарность, беспринципность и предательство.

Связавшись с коммунистом т. Норман, я в начале 1919 г. пробрался с ним через фронт и явился в штаб V армии, где получил предписание отправиться в распоряжение штаба фронта.

Доложив РВС фронта (Лашевич, Смилга, Гусев) свою историю и желание идти в бой, я был назначен командиром вновь формируемой бригады комитетов бедноты»³⁸.

Итак, не прижившись у белых, Василенко в феврале 1919 г. вернулся через линию фронта к красным. По другой, менее достоверной версии, Василенко бежал из эшелона и вступил в партизанский отряд. В советских документах отмечалось, что «при пленении белыми под Казанью был назначен командиром полка с мыслью о присоединении к красным. Скрывался по подложным документам и во время наступления Колчака на Самару перешел в Симбирске в 5-ю Красную армию, где получил бригаду»³⁹. Эти данные косвенно подтверждают документацию белых о том, что Василенко все же командовал 7-м Хвалыньским полком.

Уже в 1919 г. Василенко зарекомендовал себя у красных с лучшей стороны. Свою службу в это время сам он по понятным причинам описывал крайне скупой: «В момент реформирования старой 5 армии в Западную был комиссаром армии. После расформирования армии поступил на старший курс академии Генштаба летом 1918 г., производил разведки по наряду командования Екатеринбург. Вместе с академией был захвачен в плен. После побега из плена назначен командиром марта 1919 г., как причастный к академической подготовке переведен по службе Генштаба помнаштакором⁴⁰ экспедиционного по опер[ативной] части мая 19 г. Начдив Богучарской с июня 1919 г.»⁴¹.

Красные стремились использовать все доступные им кадровые ресурсы с максимальной пользой для себя. Касалось это и квалифицированных офицеров из военнопленных. Нельзя не признать, что эта политика себя полностью оправдала.

В РККА Василенко сначала командовал бригадой комитетов бедноты (притом, что комбеды были распущены еще в декабре 1918 г.). Очевидно, речь шла о «Бригаде бедноты», формировавшейся в Казанской губернии в начале 1919 г. и вошедшей в апреле 1919 г. в состав 35-й стрелковой дивизии. Тогда же в апреле как состоящий на учете кадров Генштаба Василенко был назначен в распоряжение главнокомандующего И.И. Вацетиса для дальнейшего назначения по службе Генштаба. Получил назначение в штаб Южного фронта. В мае его назначили помощником начальника штаба Экспедиционного корпуса Южного фронта по

оперативной части. Однако далее Василенко продолжительное время служил в РККА не как штабной работник по своей специальности, а на командных постах. Почему произошла такая перемена, сказать затруднительно, однако квалифицированных командиров не хватало и на командных постах.

Экспедиционный корпус был сформирован для подавления активно развивавшегося Вешенского восстания донских казаков. Тогда же Василенко был назначен начальником одной из дивизий корпуса. Сам он описывал это следующим образом: «Шли горячие бои и через неделю-две, по личной просьбе, я был назначен командовать группой богучарских партизанских отрядов и курсов, из которых и сформировал Богучарскую дивизию»⁴².

15 июня 1919 г. Василенко прибыл и возглавил 1-ю экспедиционную дивизию, переименованную по ликвидации Экспедиционного корпуса в 1-ю Особую дивизию, а в июле — в 40-ю стрелковую дивизию. Затем находившаяся в стадии формирования дивизия вошла в состав 8-й армии. Укомплектована дивизия была уроженцами Воронежской и Тамбовской губерний и насчитывала порядка 13 тыс. человек⁴³. Как отмечал В.А. Малаховский в сборнике «Богучарцы», изданном в 1933 г., «назначенный начальником дивизии Василенко Михаил Иванович сумел сочетать волю военного командования с помощью местных советских организаций Богучара, высоким энтузиазмом населения Богучарского и прилегающих к нему уездов и гремевшей боевой славой 103-го Богучарского полка»⁴⁴.

По свидетельству самого Василенко, «все лето 1919 года прошло в непрерывных боях с казачьей конницей. Лично руководя боями, находясь впереди полков, я воодушевлял их на подвиги. Подо мной одна лошадь была ранена, другая убита, а в августе и сам я был тяжело ранен»⁴⁵.

В августе дивизия вела ожесточенные бои, препятствуя прорыву казачьей конницы генерала К.К. Мамантова в советский тыл. Части РККА отступали под натиском белых. На линии железной дороги Лиски — Поворино скопился большой подвижной состав, в том числе несколько бронепоездов, которые штаб 8-й армии приказал эвакуировать. Между тем мосты у поселка Никольский и станции Таловая были взорваны казаками. Для исправления мостов требовалось время. Поэтому оборона 40-й дивизии приняла здесь упорный характер. Подвижной состав удалось вывезти, в помощь дивизии был оставлен один бронепоезд.

В разгар боев Василенко был ранен в верхнюю челюсть у станции Таловой 5 августа 1919 г. Один из участников боя, комиссар дивизии М.И. Ермоленко, описал обстоятельства случившегося:

«Когда цепи полка подошли почти к ст. Таловой, тогда на линию огня был брошен бронепоезд, но ответной стрельбой со стороны белых он вынужден был снова вернуться на ст. Таловую. Учитывая огромное значение бронепоезда в бою, начдив Василенко и воен[ный] ком[иссар] див[изии] Ермоленко лично отправляются с двумя ординарцами к бронепоезду и заставляют команду снова выдвинуться на линию ж.д., в сторону ст. Абрамовки. Противник, готовившийся смять цепи богучарцев и перейти за линию ж.д., уви-

дев бронепоезд, весь огонь направил на него. Одним из осколков снаряда, разорвавшегося около нас, возле бронепоезда, начдив Василенко был ранен в голову.

Сделав начдиву первую перевязку, я вывез автомобиль из штаба, который к тому времени перешел из Таловой в поселок Александровский, в 12 верстах к северу от ст. Таловой. Я остался до конца боя при частях в Таловой и ночью уже часам к 12 прибыл в штаб дивизии. Так как на нашем участке фронта положение было тревожное и неустойчивое, с 1-й бригадой связь была утеряна, то для охраны штабидва была выставлена рота 357-го полка, находившаяся в резерве. Мамонтов, перейдя линию ж.д. между ст. Абрамовка и Колоно и оттеснив части 1-й бригады на север от ж.-д. линии, утром 12 августа набросился всеми силами на Александровский поселок, где расположился штаб дивизии и скопились почти все обозы полков 2-й бригады, санитарные учреждения, батальон связи, саперный батальон и политотдел. Бывшая в заставе рота 357-го полка оказала сопротивление, но была скоро изрублена и рассеялась. Казаки начали рубить направо и налево скопившихся обозников, бегущих раненых из полевых госпиталей и громить штабные учреждения. Обезумевшие люди, только что поднятые от сна, беспорядочно ретались по улицам, забитым подводами с различными снаряжением и продовольствием. Все кинулись спасаться.

Организовать какую-либо защиту при этом хаосе и поднявшейся панике в деревне было невозможно. Я с начдивом Василенко, раненым накануне, верхами выскочили на выгон и стали останавливать бегущих. Из них постепенно был организован отряд человек до 300, который стал отступать цепью и спас успешнее выскочить обозы и людей. Рядом, в другом месте, Малаховский, накануне раненый в шею, тоже начал организовывать бегущих в цепь. Выходили с боем к селу Н. Чигла. В этом деле нам сильно помог выскочивший грузовой автомобиль с шофером Филипповым, захватившим один пулемет. Действуя пулеметом из автомобиля и прикрывая его пехотой, мы благополучно добрались до Нов. Чиглы.

Все имущество штаба — телефоны, телеграф и оперативная переписка — были захвачены Мамонтовым... Это была одна из тяжелых неудач 40-й Богучарской дивизии, урок, который долго нами не забывался»⁴⁶.

Несмотря на серьезное ранение, Василенко остался в строю и командовал дивизией еще в течение четырех дней, до ликвидации прорыва казаков. Василенко сумел связаться со штабом армии и доложить обстановка, причем решено было сосредоточить силы и нанести ответный удар.

Ермоленко далее вспоминал:

«И вот снова верхом на лошади, вдвоём с начдивом, при одном ординарце, мы двинулись из Хреновой на Н. Чиглу, чтобы лично руководить боем. Темной ночью мы выехали в расположение обозов каких-то частей, а еще через минуту и мы в пехотной цепи. Нас окликают, у нас сомнение — наши ли или казаки? Только по голосам мы поняли, что находимся в расположении своих.

Бой против Мамонтова, занявшего Чиглу, начался с вечера... Таково оглушительно-го шума ружейных залпов, трескотни пуле-

метов и буханья артиллерии я никогда уже больше не слышал на фронте до конца Гражданской войны... Бой продолжался всю ночь. Утром мы заняли Чиглу»⁴⁷.

Состояние раненого Василенко стало ухудшаться. Он заметно слабел, начдива лихорадило, а рана начала гноиться⁴⁸. 9 августа (по другому свидетельству — 15-го⁴⁹) Василенко почти в беспамятстве убыл с бронепоездом⁵⁰ в Воронеж на лечение, причем 25 августа его отправили в Москву на операцию. Таким образом, он избежал возможного повторного пленения белыми, которые вскоре заняли город. Отъезд начдива, по мнению комиссара Ермоленко, был тяжелой утратой для всей дивизии, поскольку Василенко «обладал изумительной энергией, глубоким знанием и уверенностью в победе»⁵¹.

Как отмечал служивший с Василенко В.А. Малаховский, «мы понесли еще большую утрату в лице первого начдива 40 Василенко М.И., который в трудную минуту под сильным огнем неприятеля лично руководил отражением атак казаков и был ранен осколком гранаты в челюсть. Мы все сожалели о Василенко, он был настоящий богучарец. В этом убедились все бойцы, видя его в самые опасные моменты возле дивизии, среди поля сражения, на самых ответственных участках, где только благодаря его личному присутствию победа склонялась на нашу сторону. Несмотря на то, что осколок гранаты раздробил Василенко челюсть, и ранение причинило ему сильные страдания, мы все с изумлением узнали, что он не оставил командование дивизией до конца боя»⁵².

Оправившись осенью от ранения, Василенко продолжил службу. Последующая его карьера в РККА иначе, как головокружительной, названа быть не может. Сначала он получил назначение помощником командующего 13-й армией, а затем бывший колчаковец последовательно командовал тремя красными армиями: 11-й, 9-й Кубанской и 14-й, а также несколько дней номинально числился командующим 2-й Конной армией, переформированной в корпус.

Постановлением Реввоенсовета республики (РВСР) от 6 ноября 1919 г. Василенко был назначен командующим 11-й армией Юго-Восточного фронта, оборонявшей Астрахань. В протоколе заседания в тот день было отмечено: «Бывший начдив 40 М.И. Василенко назначается вр.и.д. командарма 11. М.И. Василенко немедленно отбыть к месту назначения. По прибытии М.И. Василенко Ю.П. Бутягину сдать ему должность и вернуться к исполнению своих обязанностей члена Реввоенсовета»⁵³.

Неоднозначность ситуации заключалась в том, что с подачи председателя РВСР Л.Д. Троцкого старый большевик и член РВС, выступавший в тогда еще редком качестве единоначальника во главе армии, заменялся беспартийным военспецом-перебежчиком и вдобавок недавним белогвардейцем. Члены РВС 11-й армии были возмущены и повели агитацию против назначения Василенко. В телеграмме члену РВСР И.Т. Смилге, отправленной членом РВС 11-й армии С.М. Кировым, командующим Волжско-Каспийской военной флотилией Ф.Ф. Раскольниковым и уполномоченным ЦК в Астрахани И.П. Бабкиным, сообщалось: «Ознакомившись с выпиской из протокола № 67 заседа-

Реввоенсовет 11-й армии. Слева направо: неизвестный, начальник штаба А.К. Ремезов, командующий М.И. Василенко, члены РВС В.Е. Квирквелия, С.М. Киров и К.А. Механошин. Декабрь 1919 – март 1920 г.

Фото из книги: Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961.

В штабе 11-й армии. Сидят слева направо: В.Е. Квирквелия, М.И. Василенко, С.М. Киров, К.А. Механошин, А.К. Ремезов. Фото из книги: С.М. Киров: от мифа к правде. Киров, 2009.

ния Реввоенсовета Республики от 6 ноября 1919 года считаем долгом довести до Вашего сведения следующее: Не считая себя формально вправе критиковать решения высшего военного органа, полагаем, однако, необходимым отметить, что одиннадцатая армия все еще продолжает находиться в стадии неустойчивости, особенно в отношении командования. Последние два месяца командармом XI состоял тов. Бутягин, бывший до того членом Реввоенсовета XI армии. Отнюдь не желая рекомендовать тов. Бутягина как опытного командарма, так как столь ответственной обязанности тов. Бутягин прежде не исполнял, как и вообще не нес ответственных командных должностей, считаем, тем не менее, нужным отметить, что в настоящее время на фронтах армии идут успешные для нас бои, армия крепнет, во всех отношениях становится активной. Все это заставляет только усилить налаживающуюся работу и, конечно, было бы очень желательно иметь [в] XI армии опытного командарма. К сожалению, тов. Василенко, назначенный вр.и.д. командармом, должен рассматриваться очевидно как кандидат в командармы и проверка его в этой роли в наших сложных условиях, когда, повторяем, армия только начала принимать организованную форму едва ли желательно и не дает никакой гарантии, что через очень короткое время армия снова не станет перед необходимостью смены командования со всеми неизбежными последствиями его. Настоящее наше мнение просим срочно довести до сведения Реввоенсовета Республики для пересмотра вопроса о назначении Василенко вр.и.д. командармом XI»⁵⁴.

На этой почве даже произошел конфликт между Л.Д. Троцким и С.М. Кировым. Троцкий буквально продавил это назначение. 24 ноября он направил ряд телеграмм в Астрахань, в том числе Кирову. В них отмечалось, что Василенко добровольно перешел из армии Колчака, прекрасно командовал дивизией и заслужил доверие. Троцкий выражал уверенность, что при поддержке членов РВС армии он будет успешным командующим⁵⁵.

27 ноября уполномоченный ЦК в Астрахани И.П. Бабкин секретно и срочно телеграфировали в ЦК РКП(б), с копиями В.И. Ленину, Троцкому и в РВС Юго-Восточного фронта:

«Вот уже три месяца обязанности командарма XI армии исполняет член Реввоенсовета XI т. Бутягин. Считаю долгом отметить, что за это время армия определенно выросла и окрепла. Положение на всех здешних фронтах определенно улучшилось, исчез-

ло разгильдяйство, установилась дисциплина, налажены хозяйственные аппараты армии. За этот период на фронтах не было ни одной серьезной неудачи, напротив, были очень крупные успехи. Главные достоинства Бутягина — это энергия, распорядительность и организаторские таланты, что в области, например, формирования делает Бутягина незаменимым работником. К сожалению, очевидно, работа Бутягина недостаточно оценивается в руководящих военных органах, так как на днях вр.и.д. командармом XI назначен бывший начдив 40 Василенко. По-моему, эта перемена не только ничем не вызвана, но даже рискованна. Сейчас перед XI армией стоят огромные задачи и производить не обоснованную смену в этот момент едва ли целесообразно, тем более, что командарма-коммуниста должен заменить не коммунист, что в здешних условиях далеко не безразлично. Кроме того, Бутягин очень хорошо знает Северный Кавказ, долго работал там и в предстоящих действиях нашей армии там Бутягин будет очень полезным работником. Бутягин — старый революционер, руководил восстанием в Ростове в 1905 г. под кличкой Макс. С назначением командармом Василенко Бутягин для XI армии потерял, а что даст Василен-

ко в здешних, безусловно, особенных условиях, сказать трудно. Было бы лучшим выходом из создающегося положения, если нельзя оставить командармом Бутягина, назначить сюда командармом начдива 33 Левандовского, авторитетного среди кавказских работников, хорошо знающего нашу армию и район ее настоящих и будущих действий. В противном случае я боюсь, что огромная работа, совершенная в XI армии, пропадет, так как, повторяю, не остается человека, который сумел бы продолжить начатую работу в армии, состоящей преимущественно из кавказцев. Большие опасения вызывает у меня и то, что Василенко перешел к нам от Колчака и, несомненно, при малейшей неудаче своеобразно настроенные кавказские части непременно используют прошлое Василенки. При таких условиях уступая свое место Василенко Бутягин, конечно, должен оставить XI армию, тогда как с Левандовским, пользующимся безусловным доверием, Бутягин мог бы работать»⁵⁶.

30 ноября Троцкий дал высокую оценку военспецу, отметив, что это ответственный, серьезный и испытанный работник. В случае же продолжения сопротивления со стороны членов РВС Троцкий грозил ходатайствовать перед ЦК о перемещении самих партийных

работников, чтобы решение РВСР было проведено без помех⁵⁷.

В переговорах Кирова со Смилкой первый сообщал: «Вчера от Троцкого получил телеграмму относительно Василенко. Вопрос решен окончательно, и теперь наше желание сводится к тому, чтобы использовать Бутягина для Кизляра, о чем я с Вами говорил, думаю, что Троцкий не будет протестовать, т.к. рекомендует Бутягину начать командовать хотя бы с дивизии»⁵⁸.

Итак, квалификация недавнего колчаковского обер-офицера, окончившего ускоренные курсы академии, была оценена Троцким выше пользы от членов РВС армии, где случайных людей тогда быть не могло. Рисковал ли Троцкий? Безусловно. Недавний курсовик Василенко даже помимо своего белогвардейского прошлого никогда ранее не руководил полноценной воюющей армией (его «революционную» деятельность конца 1917 — начала 1918 г. на руководящих постах 5-й армии можно во внимание не принимать). Тем не менее, председатель РВСР и в данном случае не считал необходимым отступать от избранного курса на максимальное привлечение квалифицированных кадров старого офицерства на руководящие посты в РККА.

В Астрахань Василенко прибыл к 5 декабря 1919 г. На месте его временное назначение было воспринято как неуверенность центра в способностях Василенко, что на какое-то время нанесло удар по авторитету назначенца. Впрочем, уже 22 декабря Василенко был утвержден РВСР в занимаемой должности⁵⁹, а далее завоевал авторитет своей работой. Начальником штаба армии в декабре стал бывший генерал-генштабист А.К. Ремезов.

25 декабря 1919 г. член РВС 11-й армии К.А. Механошин (Мехоношин) доложил мнение РВС о Василенко Троцкому уже в благоприятном свете:

«Наблюдение в течение нескольких дней за работой командарма Василенко позволяет надеяться, что он будет командовать никак не хуже других командармов, но даже лучше многих. Энергичный, с большим интересом относящийся к работе, по-видимому, хороший организатор, вдумчивый и обладающий командными способностями. Это мое мнение вполне разделяют Киров, Бабкин и Квиркелия. Через день-два после моего приезда удалось устранить все недоразумения, особенно после предупреждения, что все, пытающиеся вести демагогическую агитацию против командарма будут привлечены [к] строжайшей ответственности.

Полагаю, что в дальнейшем никаких осложнений не произойдет. В войсках никакого недоверия вовсе нет и опасения в этом отношении, по моему мнению, были неосновательны. Дело налаживается, но армия крайне нуждается в специалистах снабженской и штабной работы, командном составе, по-

литработниках и медицинском персонале. К. Механошин»⁶⁰.

Войска Деникина в этот период находились в отступлении, но еще удерживались на подступах к Астрахани. Василенко был одним из организаторов обороны города. 3 декабря 1919 г. в газете «Красная звезда» вышла его хвалебная статья памяти С.М. Кирова, в которой были и такие строки:

«Яростные атаки казаков, имевших двойное превосходство сил, казалось, вот-вот сломят силу обороны. Но воодушевляемые тов. Кировым, появившимся на самых опасных участках плацдарма, бойцы и командиры доблестно отражали натиск казачьих дивизий...

Ударной группой из астраханских пехотных курсов и нескольких кавалерийских полков последовательно разбиты и отброшены от Астрахани гурьевская и кизлярская группы контрреволюционного казачества.

Бронепоезда, сформированные по идее Кирова из товарных вагонов, курсируют по дороге Астрахань — Саратов, поддерживая связь с глубоким тылом. На топливо для паровозов идут старые постройки и шпалы.

У Сальянских казарм в Баку на параде в честь годовщины 11-й армии, 14 августа 1920 г.: председатель ЦК КП(б) Азербайджанской ССР М.Д.Б. оглы Гусейнов (2), член РВС Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе (3), командарм М.И. Василенко (4), И.А. Недзвецкий (5), начальник полевого штаба 11-й армии В.М. Воронков (6), председатель СНК Азербайджанской ССР Н.К.Н. оглы Нариманов (8), герой взятия Баку, кавалер ордена Красного знамени Азербайджанской ССР № 1, впоследствии Герой Российской Федерации (посмертно) М.Г. Ефремов (9), бывший генерал А.Г. Габаев (11), герой взятия Баку, военный комиссар П.А. Друганов (12), бывший народный комиссар по военным и морским делам Азербайджанской ССР Ч. Ильдрым (13), Л. Мирзоев (15). Между Василенко и Ильдрымом верхом народный комиссар по военным и морским делам Азербайджанской ССР А.Г. Караев (в белой рубашке и фуражке) ★ Научный архив Института российской истории РАН

Разгромлен враг, Астрахань уцелела. Взят Царицын, взят Ставрополь, взят Грозный, а за ним и пролетарият Баку освободился от ига мусаватов»⁶¹.

По его собственным воспоминаниям, «действуя по внутренним операционным линиям, XI армия отбилась от казаков, наседавших с разных сторон и, реорганизовавшись, сама перешла в наступление»⁶².

И действительно, под командованием Василенко войска 11-й армии деблокировали Астрахань, 3 января 1920 г. заняли Царицын. 29 февраля 1920 г. был взят Ставрополь, 23–24 марта — Владикавказ и Грозный, 30 марта — Петровск. Было ликвидировано присутствие белых в центральной и восточной части Северного Кавказа.

Операции на востоке Северного Кавказа развивались успешно, готовилась советизация Азербайджана, однако Василенко был отозван на другую должность и не пожал лавров этой молниеносной победы. В дальнейшем военспец переходил с одного поста командарма на другой. После 11-й армии 25 марта 1920 г. он был назначен командующим 9-й Кубанской армией для ликвидации Терского казачьего войска. В должность он вступил 7 апреля и пробыл на этом посту до 10 июля. Начальниками штаба армии в этот период были бывший Генштаба подполковник А.А. Душкевич, а с июня — слушатель академии Генштаба РККА М.Е. Медведев. За это время в результате реализации разработанного Василенко плана красным практически в полном составе сдалась Кубанская армия белых, а также Донской корпус (в общей сложности около 60 тысяч человек). Василенко вспоминал, что «в апреле получил назначение командармом IX. Организовал и провел операцию против южной группы денкинской армии, отошедшей на Туапсе и, несмотря на помощь английских дредноутов, казаки не смогли переброситься в Крым и сдались в числе 70 тысяч человек, в том числе около 5 тысяч офицеров»⁶³. Впрочем, Троцкий, по данным на конец августа 1920 г., был недоволен работой Василенко и члена РВС армии С.А. Анучина, которые во время летней передышки ослабили работу. По мнению председателя РВСР, изложенному в телеграмме Э.М. Склянскому с копией в ЦК, в армии требовалась ревизия, а до этого — отстранение Василенко и Анучина от активной работы⁶⁴.

Показательно, что К.А. Механошин настолько сработался с Василенко, что при назначении своем в РВС одной из сформированных армий Западного фронта ходатайствовал о назначении командармом Василенко. Троцкий телеграфировал И.Т. Смилге 13 июня 1920 г., что «такое назначение было бы желательным. Василенко, насколько знаю, крупнее Хвесина и Сергеева. Прошу заключения РВС фронта»⁶⁵. Таким образом, Троцкий выделял Василенко среди советских военных деятелей и считал его более талантливым по сравнению с Е.Н. Сергеевым, командовавшим Северной группой Западного фронта и Т.С. Хвесиним, командовавшим Мозырской группой того же фронта.

С 10 июля по 30 августа 1920 г. Василенко вновь командовал 11-й армией, вступив в должность 20 июля и сдав ее 12 сентября. В это время армия участвовала в борьбе с дашнаками в Зангезуре — на юго-восто-

ке Армении. Василенко приходилось решать самые разнообразные вопросы, связанные с советским военным присутствием в регионе, в том числе по работе в Персии⁶⁶. 14 августа за многочисленные победы армия получила Почетное революционное Красное знамя от РВСР⁶⁷.

Затем с 30 августа по 20 ноября 1920 г. Василенко возглавлял 14-ю армию, которая действовала против поляков. Фактически в должности он пробыл с 23 сентября по 15 ноября 1920 г. Начальником штаба армии был С.Ф. Терпиловский (отметим, что его родной брат В.Ф. Терпиловский, бывший подполковник, окончивший Николаевскую академию по 2-му разряду, как и Василенко, служил у белых на Восточном фронте, а в 1919 г. попал в РККА).

14-я армия действовала в составе Юго-Западного фронта на территории Галиции и на подступах ко второму важнейшему польскому политико-экономическому центру — Львову. К осени 1920 г. события на этом фронте развивались для РККА более благоприятно, чем на отходившем соседнем Западном фронте. Фронт 14-й армии ранее считался второстепенным, однако к 20-м числам августа главное командование сместило акценты и предложило готовить 14-ю армию к переходу в наступление⁶⁸. Завязалась упорная борьба, причем ко второй половине сентября 1920 г. поляки, форсировавшие Днестр, стали угрожать коммуникациям левого фланга армии. Тем не менее положение армии считалось устойчивым, пока поляки не потеснили силы 12-й и 1-й Конной армий, предопределившее последующее оставление частями РККА Восточной Галиции.

12 октября было заключено советско-польское перемирие, вступавшее в силу с 18 октября. Тем временем на фронте 14-й армии продолжалась борьба с петлюровцами — Действующей армией Украинской народной республики (УНР), а также частями 3-й Русской армии белых. Польские власти не только закрывали глаза на активность своих союзников, но и содействовали ей, даже после заключения советско-польского перемирия продолжали через командование 6-й польской армии снабжать украинские войска продовольствием, обмундированием и оружием⁶⁹. Поляки финансировали также русские и белорусские антибольшевистские формирования⁷⁰. Советским командованием ставилась задача выхода на пограничную реку Збруч⁷¹, но достигнуть ее тогда не удалось.

Еще 24 октября Василенко, в связи с тем что поляки сняли с себя ответственность за действия украинцев, издал приказ об усилении охранения и наблюдения за противником, сосредоточении войск и повышении их боеготовности, дабы не быть застигнутыми врасплох⁷².

На 11 ноября было намечено начало украинского наступления⁷³, однако частям РККА удалось его упредить. Еще 4 ноября командование фронта издало приказ о переходе в наступление против петлюровцев не позднее 10 ноября. Основной удар наносила 14-я армия, части 12-й армии должны были обеспечить устойчивость правого фланга войск Василенко⁷⁴.

К моменту активизации борьбы с петлюровцами красные ворвались в Крым, что, по

всей вероятности, должно было вдохновлять Василенко и его подчиненных, перед которыми находился более слабый противник. 8 ноября Василенко издал приказ с планом предстоявшей операции⁷⁵. Наступление должно было начаться на рассвете 10 ноября силами 41-й, 45-й и 60-й стрелковых дивизий, которым ставилась задача окружить, разгромить и уничтожить живую силу противника. 24-й стрелковой дивизии было поручено активно оборонять железнодорожную линию Жмеринка — Калиновка, сковывая силы противника.

За неделю, 10–17 ноября 1920 г., войска под командованием полтавчанина Василенко (боевой состав — 38 861 человек⁷⁶) разгромили остатки Действующей армии УНР (около 11 800 штыков и сабель⁷⁷) и части 3-й Русской армии белых (около 6000 штыков и сабель⁷⁸). В течение первых трех дней наступления 24-я, 41-я, 45-я и 60-я стрелковые дивизии 14-й армии вместе с 1-м конным корпусом Червоного казачества нанесли поражение украинским частям⁷⁹. Участвовала в боях и кавалерийская бригада легендарного Г.И. Котовского. В разгар операции Василенко подписал приказ о представлении к награждению орденами Красного Знамени Котовского и начальника 45-й стрелковой дивизии И.Э. Якира⁸⁰. Началось преследование украинцев к польской границе. Украинские формирования были выбиты из Каменца-Подольского, Проскурова и Волочиска. В ходе операции части УНР понесли тяжелые потери.

В итоге украинские войска и правительство покинули территорию Украины, уйдя за реку Збруч и укрывшись у своих союзников в Польше. 14-й армии достались богатые трофеи — три бронепоезда, 34 орудия, 299 пулеметов, три эшелона и 12 тыс. пленных⁸¹. Как свидетельствовал сам Василенко в автобиографии, «осенью 1920 г. вступил в командование отступавшей от Львова XIV армией. Приостановив отход, армия сама вскоре перешла в наступление и в ноябрьских боях разгромила и выбросила Петлюру за границу»⁸².

Впоследствии Василенко вспоминал: «В ноябре 1920 года потребовалось перейти в наступление против Петлюры, а дивизии до 30% не имели сапог.

И все-таки боевая задача была поставлена и была выполнена. Тряпками обмотали ноги, веревками обвязали тряпки, пошли в наступление и снабдились сапогами из отобранных запасов Петлюры»⁸³.

Еще до окончания операции, 15 ноября, Василенко был заменен И.П. Уборевичем и назначен в распоряжение командующего фронтом А.И. Егорова, а затем должен был отправиться в распоряжение главнокомандующего С.С. Каменева⁸⁴. Перестановка осуществлялась во исполнение постановления РВСР от 6 ноября 1920 г.⁸⁵ — то есть еще до начала операции против петлюровцев. Однако по каким-то причинам командарма перед началом операции менять не стали. По факту Василенко оставил армию только тогда, когда исход боев был уже ясен.

С 3 по 5 декабря 1920 г. Василенко формально числился командующим только что разгромившей врангелевцев 2-й Конной армией (по другим документам, 12 дней — по 15 декабря⁸⁶), переформированной во 2-й конный корпус. Бессменный командарм 2-й Конной

М.И. Василенко с орденом Красного знамени. Фото из личного дела. 2-я половина 1920-х гг. ★ РГВА

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Ф.К. Миронов 4 декабря 1920 г. был отозван со своего поста в распоряжение главкома по собственному желанию⁸⁷. Миронов позднее отмечал на допросах, что «*мне приказали ждать комкора Василенко. Корпус был переброшен в Ростов по распоряжению центра*»⁸⁸. Однако сдавать должность было некому, поэтому Миронов продолжал временно командовать корпусом, брошенным на борьбу с махновцами и лишь в конце декабря направленным на Дон. В конце января Миронов сдал должность командиру из оренбургских казаков Н.Д. Топину, а уже через несколько дней был арестован и вскоре погиб⁸⁹. Василенко же, очевидно, в эту должность так и не вступил, поскольку уже 5 декабря 1920 г. был назначен в распоряжение Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ).

В 1920 г. Василенко был отмечен золотыми часами от РВС Кавказского фронта и почетным наградным оружием от СНК Азербайджана. В 1923 г. он получил серебряный портсигар от Омского губисполкома. Наконец, за свои весомые заслуги в Гражданскую войну в 1924 г. Василенко был награжден орденом Красного Знамени со следующей формулировкой: «*Т. Василенко Матвей Иванович за то, что в наиболее обостренные периоды гражданской войны с марта 1919 г. по сентябрь 1920 г., последовательно командуя IX, XI и XIV Красными армиями, руководил боевыми действиями этих доблестных армий, усилия которых неоднократно приводили к решающим для нашего оружия успехам, на побережье Черного моря и по Кавказскому берегу Каспийского моря против войск Деникина и на Украине против банд Петлюры и Врангеля*»⁹⁰. Позднее среди наград Василенко появилась шапка с грамотой от коллеги ГПУ Украины, а в 1933 г. — ордена Красной Звезды и Красного Знамени Закавказской РСФСР⁹¹.

(Окончание следует)

¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 56.
² Там же. Л. 6.
³ Там же.
⁴ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 23. Оп. 5. Д. 95. Л. 2.
⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 6, 32.
⁶ На самом деле Г.К. Орджоникидзе был арестован в Санкт-Петербурге 14 апреля 1912 г. и три года содержался в Шлиссельбургской каторжной тюрьме.
⁷ В действительности М.М. Литвинов с 1907 по 1918 г. находился за рубежом.
⁸ Речь идет о кн.: Ушерович С.С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1933.
⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 95. Л. 4–40б.
¹⁰ Ушерович С.С. Смертные казни в царской России. С. 270.
¹¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.
¹² Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 486.
¹³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
¹⁴ Там же. Л. 32.
¹⁵ Там же. Л. 30б.
¹⁶ Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 99–102.
¹⁷ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 32.
¹⁸ Начальника штаба армии.
¹⁹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
²⁰ Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1645. Л. 1.
²¹ Там же. Д. 1628. Л. 9.
²² Там же. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.
²³ Подробнее см.: Ганин А.В. Закавказье Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 189–248.
²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 237–238.
²⁵ Там же. Д. 10. Л. 2.
²⁶ Сведения по материалам РГВА предоставлены к.и.н. А.А. Симоновым (Саратов).
²⁷ Т.е. на должность начальника штаба дивизии.
²⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
²⁹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 569.
³⁰ Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года / Публ. Каревского А.А. // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1999/2000. № 3. С. 98.
³¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 383, 387; Семенов В.Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945». Оренбург, 2009. С. 51.
³² Петров А.А. История Вольской Народной армии // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 91–93.
³³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 7–8. В другом документе отмечено, что сообщение о расстреле Василенко было напечатано во владивостокской газете (Там же. Л. 560б.).
³⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 271–291; Он же. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58; Он же. Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154; Он же. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала. Материалы 3-й межрегиональной научно-практической конференции 30 сентября 2003 г. Уфа, 2003. С. 27–36; Он же. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре-декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37; Он же. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 32–41.
³⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
³⁶ Там же. Л. 570б.
³⁷ Подробнее см.: Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 191; Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские

войска в Гражданскую войну. М., 1927. С. 68–72; Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Баквич. М., 2004. С. 60–61.
³⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
³⁹ Там же. Л. 32.
⁴⁰ Помощником начальника штаба корпуса.
⁴¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 57.
⁴² Там же. Л. 8–9.
⁴³ Лапто Д.Д. Жертвы беззакония. Воронеж, 1994. С. 203.
⁴⁴ Пархоменко И., Малаховский В., Ермоленко М., Страхович В., Врачев И. Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. Воронеж, 1933. С. 116.
⁴⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.
⁴⁶ Пархоменко И., Малаховский В., Ермоленко М., Страхович В., Врачев И. Указ. соч. С. 145–146.
⁴⁷ Там же. С. 149.
⁴⁸ Там же. С. 150.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же. С. 163.
⁵¹ Там же. С. 150.
⁵² Там же. С. 117–118.
⁵³ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919 гг. М., 1997. С. 464.
⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 3. Д. 3. Л. 48–49.
⁵⁵ Реввоенсовет Республики. Протоколы... С. 551.
⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 3. Д. 1. Л. 60–60об.
⁵⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 529.
⁵⁸ Кириллина А. Неизвестный Киров. М.-СПб., 2001. С. 68.
⁵⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919 гг. С. 548.
⁶⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 928. Л. 63–63об.
⁶¹ Василенко М. Всегда на опасных участках // Красная звезда (Москва). 1934. № 279 (2922). 03.12. С. 2.
⁶² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.
⁶³ Там же.
⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 352.
⁶⁵ Там же. Л. 241.
⁶⁶ Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 313.
⁶⁷ Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961. С. 262.
⁶⁸ Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России: война с белопольяками. М.; СПб., 2002. С. 369.
⁶⁹ Зарецька Т. Юзеф Пилсудский і Україна. К., 2007. С. 122, 128; Карпус З., Срібняк І. Формування з'єднань Армії УНР у Польщі в 1920 р. // Український історичний журнал (Київ). 2000. № 1. С. 92. О советской дипломатической борьбе против двойной игры польских властей см.: Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 2. М., 1994. С. 111–112, 115–117а.
⁷⁰ Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 102.
⁷¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. в 4 т. (далее — ДКФКА). Т. 3. Апрель 1920 г. — 1922 г. М., 1974. С. 288.
⁷² Гражданская война на Украине 1918–1920. Сб. док. и мат. К., 1967. Т. 3. С. 652–653.
⁷³ Українсько-московська війна 1920 року в документах. Ч. 1. Оперативні документи штабу армії Української народної республіки. Варшава, 1933. С. 297.
⁷⁴ ДКФКА. Т. 3. С. 296–297.
⁷⁵ Гражданская война на Украине... Т. 3. С. 718–719.
⁷⁶ ДКФКА. Т. 4. Материалы, указатели. М., 1978. С. 221.
⁷⁷ Legieć J. Armia Ukrainskiej Republiki Ludowej w wojnie polsko-ukraińsko-bolszewickiej w 1920 r. Toruń, 2002. S. 207.
⁷⁸ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Док. и мат. Т. 1. Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М., 1998. С. 336.
⁷⁹ Краснознаменный Киевский. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа (1919–1979). К., 1979. С. 47. Подробнее см.: Дубинский И.В., Шевчук Г.М. Червоное казачество. К., 1987. С. 187–194.
⁸⁰ Гражданская война на Украине... Т. 3. С. 748.
⁸¹ ДКФКА. Т. 3. С. 299.
⁸² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.
⁸³ Василенко М. Памятка красноармейцу 45-й стрелковой Краснознаменной Вольской дивизии. Киев, 1928. С. 82–83.
⁸⁴ Гражданская война на Украине... С. 757.
⁸⁵ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. Сб. док. М., 2000. С. 150.
⁸⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.
⁸⁷ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 510.
⁸⁸ Там же. С. 621.
⁸⁹ Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 324–325.
⁹⁰ Приказ РВС СССР по личному составу армии. 1924. № 44. 19.02.
⁹¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.